

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПЕРВЫЙ ШАГ К ПРОПАСТИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Первый шаг к пропасти

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Первый шаг к пропасти / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2018 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-098578-4

Бывший следователь Сергей обнаруживает на автостоянке отеля, где он теперь работает охранником, дорогую иномарку с оставленными в замке зажигания ключами. Машина пустует давно, а ее хозяина никто не видел. Вскоре выясняется, что он вовсе не зарегистрирован в отеле, а автомобиль числится в угоне. Сергей выясняет, что это далеко не первый случай, когда на этой стоянке оказываются угнанные транспортные средства. А одна из владелиц Илона недавно найдена убитой в собственной квартире...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098578-4

© Романова Г. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Владимировна Романова

Первый шаг к пропасти

© Романова Г.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

«Лето скоро кончится», – подумал Сережа Журенков и уставил взгляд в безоблачное июньское небо. От июня три дня осталось. Потом две июльские жаркие недели, и все – пошло на убыль. Трава начнет жухнуть, темнеть, листья полетят. К середине августа и не вспомнишь: а было ли оно, лето! Он глянул себе под ноги и с раздражением толкнул носком форменного ботинка крохотный камушек.

Тут даже попинать было нечего! Чисто. Почти стерильно чисто на автомобильной стоянке, которую он охранял сутки через трое. Ни камушка, ни соринки, ни пачки сигаретной. Все выметалось, смывалось, вычищалось до блеска. Машины стояли ровными рядами. И тоже блестя! На них будто курортная пыль не садилась. Будто это тоже было под запретом в этом дорогом красивом месте.

Чего-чего, а запретов тут хватало.

Сережа тяжело вздохнул и осторожно тронул задний карман форменных штанов, где притаилась сигаретная пачка. Курить здесь запрещалось. В будке охранника тоже. И за будкой было нельзя. Почти на всей территории отеля, а это была огромная территория, курить запрещалось. И страдающие пагубной привычкой люди жались к редким урнам для курильщиков и ждали наступления темноты, когда можно будет покурить на балконе.

Курили, конечно. Еще как курили. Он сам видел. Пошел в обход с приятелем после своей смены, сменили его в полночь, и видел, как вспыхивают точечные огоньки сигарет на балконах.

Им было можно. На них никто старался не обращать внимания, если жалоб от соседей не поступало. А вот ему – охраннику автомобильной стоянки – было нельзя. Его могли наказать или выгнать. А без работы ему сейчас никак нельзя. Ему нужна была эта работа. Здесь неплохо платили. И свободного времени было вагон. И он пользовался им с умом. Загорал на пляже, купался в море, ездил в горы, фотографировался, выкладывал фотки в сеть. Очень уж ему хотелось, чтобы Светка увидела все это и решила, что дела его пошли в гору. Чтобы не думала, что он опустился до работы рядового охранника, а может себе позволить отдыхать все лето на побережье, пусть даже и не за границей.

Светке, скорее всего, было пофиг, что с ним и где он вообще. Она даже на страничку его не зашла ни разу. Он это четко контролировал. Но Сережа все равно выкладывал фотографии. Может, кто-то из ее подруг на них наткнется и расскажет ей. Может, брат ее двоюродный увидит и позвонит Светке и расскажет.

Фотки были очень удачными и набрали уже кучу лайков. К нему просились в друзья девчонки со всей страны. Называли его красавчиком и Тарзаном. Он не стал бы спорить. Его загорелое мускулистое тело никогда еще не было в лучшей форме. Он напрягал бицепсы, белозубо улыбался в объектив, прикрывая глаза солнцезащитными очками. Нужна была полная иллюзия беззаботности и счастья. Глаза бы выдали, что ничего этого нет. Глаза бы выдали, что он тоскует по дому, по Светке, по работе, которую потерял по глупости. Именно по этой причине без очков он почти не фотографировался.

Девушки на это вообще внимания не обращали. Писали каждый день, предлагали встретиться в Москве осенью. Он что-то отвечал, на встречи соглашался. Хотя знал прекрасно, что не будет никаких встреч. Не нужно ему все это. Ему Светка нужна. И снова жить с ней вместе очень хотелось. И на службе восстановиться. А всякие там охи-вздохи при луне, конфетно-букетные истории с далеко идущими намерениями...

Бр-рр, нет! Перерос он все это. Не хочется. Он за простоту и ясность в отношениях. А еще за настоящую любовь и верность. Светка знала об этом прекрасно. И рада была поначалу, что ей достался такой замечательный парень. А потом вдруг – бац – и заскучала! Почему?

– Почему? – вырвалось у Сережи вслух и достаточно громко.

И тут же из двери будки охранника высунулся его напарник – Глеб Игнатов.

– Чего? Чего ты?

Морда заспанная, глаза мутные, кадык нервно ерзает под пупырчатой кожей в порезах от утреннего бритья.

– Что, проверка?! – от волнения Глеб заговорил хрипло.

Проверки он боялся, как чумы. Ему тоже нужна была эта работа. Ему нужна была хорошая зарплата, которую платили за эту совсем не пыльную службу. А проверка, случавшаяся всегда внезапно, непременно находила какие-то нарушения. А за эти нарушения штрафовали. Это минусом рубли. Причем неважно, кто из них уснул на посту – Сережа или Глеб. Штрафовали обоих. Штрафовали смену. Было немного обидно. Потому что Сережа никогда не спал на посту. У него вообще после переезда сюда со сном стали наблюдаться проблемы. А вот Глеб мог уснуть даже стоя, прислонившись виском к дверному косяку.

– Нет никакой проверки.

Сережа осторожно поддел крохотный камушек носком ботинка и порадовался, что тот улетел далеко-далеко. Почти к самому колесу четвертой с краю машины. А это почти десять метров. Результат.

– Но хорош спать, Глеб, – проворчал Сережа, поворачиваясь к напарнику спиной. – Вдруг нагрянут, а у тебя морда заспанная. Шея в порезах. Топором, что ли, брился?

– Почему топором? – не понял Глеб.

Осторожно зевнул, прикрывая ладонью рот. Поправил форменную рубашку, отряхнул штаны.

– В темноте.

– Что в темноте? – повернулся к нему Сережа.

Камень он не нашел возле четвертой с краю машины. Видимо, залетел под нее. Попинать больше было нечего. Он расстроился. Почему? Даже странно.

– В темноте брился. – Глеб аккуратно закрыл дверь будки и зашагал в его сторону.

– Света не было?

– Свет был. Народ спал. Просил не включать свет. Сам видал, душевая у нас начинается в ногах. Даже перегородки нет. Свет включаешь, горит на всю комнату.

– А-а-а, понятно. – Сережа уставился на задний бампер иномарки, под которую закатилась его забава. – Это объясняет.

– Ну да. Это все объясняет.

Глеб покосился на него. Он часто не понимал, когда Сережа серьезен, когда прикалывается, а когда откровенно глумится. Он вообще его ни черта не понимал.

– Не всем же так с жильем повезло, – не выдержал, упрекнул напарника Глеб. – Мы на двухъярусных кроватях, с одной лампочкой, а некоторые из апартаментов на работу приезжают.

– Я предлагал тебе угол, – напомнил Сергей и пошел вдоль левого бока машины, пытаясь заглянуть внутрь.

– Предлагал.

– Ты отказался.

– Отказался.

– А почему? – Сергей встал возле водительской двери.

– А потому, что нет у меня никакой возможности пылить деньгами, – с раздражением отозвался Глеб и принялся елозить по чистому асфальту подошвой левого ботинка. – У тебя есть возможность, а у меня нет.

– Почему?

– А потому, что у меня семья, мать твою! – взвился Глеб. – И я дважды в месяц, в дни аванса и зарплаты делаю переводы. И экономлю, на хрен, на всем. И жить вынужден бесплатно в общежитии для персонала! А не в квартире за бортом.

– И регулярно поэтому не высыпаться. И спишь на работе. И уже дважды нас с тобой оштрафовали, коллега. Конечно, это не перекрывает аренду моего жилья, но...

– Да иди ты, Серега, куда подальше! Не могу я себе позволить снимать квартиру.

– Даже на двоих?

– Даже на двоих. – Глеб отвернулся, намереваясь уйти.

– А мне видится другая причина, коллега, – заметил с усмешкой Сергей, рассматривая сутулую спину напарника. – Экономия твоя тут ни при чем.

– А что при чем? – Глеб остановился, настороженно затаившись.

– Не что, а кто.

– И кто же?

– А горничная, обслуживающая десятый корпус. Разве нет? – Сергей подмигнул резко обернувшемуся Глебу. – И не высыпаться ты, брат, не из-за соседей по комнате, а из-за соседки, к которой бегаешь на свидания.

– Откуда знаешь? – глаза напарника забегали. – Доложили уже, да? Кто еще в курсе?

– Не знаю, кто в курсе. Кому она могла проболтаться. Мне никто не докладывал. Просто сопоставил факты и сделал вывод. Но ты должен понимать, Глеб, что если об этом узнают, тебе тут не работать. Помнишь, что говорилось в договоре?

Глеб промолчал, покусывая губы. Он так всегда делал, когда трусил.

– Если не помнишь, то я освежу твою память.

– Освежи, – буркнул Глеб.

– А там говорилось, что на территории отеля запрещены всяческие отношения среди обслуживающего персонала. Любое подозрение карается увольнением. Разве нет?

Сергей нагнулся, сложил ковшиком ладони возле водительского стекла и, приблизив к нему лицо, заглянул внутрь.

– Че ты носом ерзаешь по стеклу, Серега? – воскликнул Глеб, сунул руки в карманы, сжал кулаки, карманы оттопырились, будто в них было по большому яблоку.

– Да так. Просто смотрю, – отозвался Сергей рассеянно. – А насчет горничной я не шучу. Доложит кто, вылетишь. Оно тебе надо?

– Не надо. Не надо. – Глеб замотал головой и вдруг возмущенно воскликнул: – Но я мужик! Молодой, здоровый! Мне баба нужна, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Сергей.

Его нос, плотно прижатый к стеклу водительской двери, прочертил потную полосу.

– Поэтому я не живу в общежитии, а снимаю «однушку» за бортом. Да, не очень дешево, зато у меня есть личное пространство, которое никто не попирает. И в постель мою никто не заглядывает.

«Ничего бы там особенного не обнаружили, конечно, – подумал он тут же. – Точнее, ничего, кроме одиночества».

– Да, стал бы ты терпеть, если бы я таскал в квартиру девок, – не поверил Глеб и покрутил головой. – Тоже начал бы ворчать.

– Зато не уволил бы тебя. Прав потому что не имею.

Сергей выпрямился, глянул на водительское стекло, настолько плотно затонированное, что он еле разглядел салон. Поднял взгляд на Глеба.

– Как думаешь, сколько стоит такая машина, Глеб? – спросил он, тыча пальцем в блестящую черную дверь.

– Да откуда я знаю! – всплеснул руками Глеб, резко выдернув их из карманов. – Мне зачем? Я такую покупать не собираюсь.

– Нет, ну хотя бы примерно, – пристал Сергей, глядя на него со странным выражением лица.

Глеб насторожился. Такая физиономия у Сереги бывала, когда он готовился преподнести ему какую-нибудь гадкую новость. Вот когда их оштрафовали в первый раз, он именно так гримасничал. Именно так.

– И примерно не знаю. А что?

– А то, Глеб, что машина эта стоит охренеть как дорого. Судя по упаковке сидений, которую еще даже не сняли, и, судя по модели, ей и года нет, тачке этой.

Сергей попятился и нервно заходил. Метра два вперед, резкий разворот и метра два назад. И опять и снова. Взгляд его при этом как приклеенный не сползал с тонированных стекол иномарки, которая, с его слов, охренеть как дорого стоила. Да к тому же была, по его утверждениям, куплена недавно. На сиденьях еще салонная полиэтиленовая упаковка сохранилась.

– И что? Ну, дорогая, ну, новая. Дальше то что?

Глеб не сдержался и широко зевнул, успев повернуться спиной к видеокамере, простреливающей территорию стоянки.

– Люди могут себе позволить, покупают, – проговорил он и добавил, сильно понизив голос: – И не боятся, что их оштрафуют за секс с горничной.

– Это все понятно. Я согласен. – Сергей встал столбом за его спиной, задышал шумно в затылок. – Мне непонятно, зачем оставлять ключи в замке зажигания? Да, мы отлично работаем. Мы бдительны. Мимо нас мышь не проскочит и все такое, и хорошо, что люди нам так всецело доверяют, но...

– Но что?

– Но я категорически не согласен с такой безответственностью хозяина. Зачем оставлять ключи от дорогой иномарки? Почему не забрать их с собой?

– Ой, Серега, хватит! Достал! – возмутился Глеб, обойдя трижды машину. – Что за криминал ты ищешь? Приехал мужик, на радостях забухал, вот и оставил ключи.

– А почему не обнаружил пропажу?

– Говорю же, забухал. И какая разница: ключи в машине или нет? Она все равно мимо нашего шлагбаума не проедет без хозяина.

– Так-то оно так, но... – Сергей недоверчиво качнул головой. – А если в ней ценности? Вещи какие-то? Их же могут украсть.

– Кто?

– Да каждый, кому захочется.

– Пока никому не захотелось, – фыркнул Глеб. – Никто даже сквозь тонировку ключей не рассмотрел. Один ты такой глазастый. Там, может, и ценностей никаких нет. Ничего нет, кроме полиэтиленовой упаковки на сиденьях.

– Мы же не знаем этого наверняка, так?

И Сергей снова скроил пренеприятную физиономию. На взгляд Глеба, мимика напарника была полна опасного смысла. В ней таилось много чего. И любопытство просматривалось отчетливее всего остального.

– Не-ет! Нет, Серега! Даже не думай! – шагнув, Глеб преградил Журенкову дорогу. – Я не позволю тебе влезать в машину в отсутствие хозяев. Не позволю.

– Почему? – Сергей склонил голову набок, осторожно улыбнулся. – Один из пунктов нашей должностной инструкции гласит: при обнаружении на автомобильной стоянке странных предметов немедленно принять меры к эвакуации оных. Разве нет? Ответ – да. А я даже не собираюсь эвакуировать этот странный предмет. Я всего лишь собираюсь его осмотреть.

– Странных предметов – ключевые слова! – брызнул слюной Глеб, возмущенно фыркнув.

– А машина с ключами в замке зажигания без хозяев – это не странный предмет?

– Это средство передвижения!

Глеб еще шагнул вперед, преграждая путь настырному напарнику. И даже чуть двинул того плечом.

– Даже не думай, – прошипел он и тут же полез за рацией. – Все, что от нас требуется, это доложить.

– Хорошо, докладывай. Пусть руководство ломает голову. Да, докладывай. Ты прав.

Сергей отошел на пару метров от машины и от Глеба, невнятно докладывающего руководству. Опустил глаза вниз и поискал что-нибудь, что можно было бы пнуть сейчас. Ничего не было. Территория автомобильной стоянки была безупречно чистой. Все находилось в идеальном состоянии. Если, конечно, не считать дорогого новенького автомобиля, который хозяин оставил с ключами в замке зажигания.

Почему, интересно, Глебу не кажется это странным? Почему принимается им за рядовой случай? Может, он знает, кто хозяин автомобиля? Может, видел пьяно шатающегося человека, покидающего салон? Знает, видел, потому и не паникует? Но когда? Он после того, как они приняли смену, проспал в будке часа три.

Или все дело не в Глебе, а в нем – в Сергее Журенкове? В его природной осторожности, в его нежелании искать банальные объяснения подозрительным странностям? Он ведь по сути своей именно такой – подозрительный и осторожный. Так Светка утверждала, собирая свои вещи и съезжая с его квартиры. Это, на ее взгляд, сильно напрягает и еще сильнее отравляет жизнь. Совместную.

– Один, ты, Сережа, можешь сколько угодно прислушиваться к шорохам и к шепоту за своей спиной. Можешь искать вокруг себя участников вселенского заговора, – бубнила она, распахивая лифчики и колготки по кармашкам чемодана. – Можешь, но это уже без меня. Я хочу просто жить, дышать полной грудью, радоваться каждому дню, доверять людям. Прости, я не хочу так, как ты. Не хочу.

А что он такого сделал сейчас? Да ничего такого. Просто проявил бдительность. И позволил Глебу доложить руководству. Все.

– Понял. Ждем, – заметно отвердевшим голосом произнес Глеб. – Конец связи.

Он прицепил обратно рацию на поясной ремень. Помолчал, рассматривая плотные облака, за которыми на западе прятались горы. Дернул кадыком и буркнул, не поворачивая в его сторону головы:

– Сейчас они выяснят по номерам, чья это машина, позвонят в номер хозяину, и...

– И?

– И дальше не наше дело. Но нас похвалили, – нехотя признался Глеб, подумав, уточнил: – Точнее, тебя. Я сказал, что это ты обнаружил ключи в замке зажигания. Так что жди премии, напарник.

Глава 2

– А она сидит напротив меня такая вся... – Лариса закусила нижнюю губу, поводила широко разведенными пальцами около высоко вздымающейся груди и продолжила: – Такая вся молодая, красивая, сочная, наглая. И улыбается! И говорит...

И Лариса замолчала, поочередно рассматривая подруг. Илона и Верочка сидели напротив за столом, накрытым к завтраку в их любимом кафе. Они не притронулись к еде, пока она рассказывала. Смотрели, одна со страхом, вторая с любопытством. И молчали. Ждали продолжения.

Лариса знала, что она никуда не годная рассказчица. Что излишне затягивает интригу. Вязнет в мелких ненужных подробностях. И где-то на середине ее повествований интерес слушателей обычно пропадал. Они принимались зевать, отвлекаться, хвататься за телефон. Иногда извинялись и, вскочив с места, уходили, будто получили важное сообщение.

Лариса знала, что никаких важных сообщений не было. Ее просто уставали слушать. И удирали. Так бывало почти всегда. Но не сегодня. Сегодня ее подруги – Верочка и Илона – слушали ее, не отвлекаясь.

– И что она говорит?

Верочка – тридцативосьмилетняя брюнетка, высокая, болезненно худая, с длинными гладкими волосами, злыми зелеными глазами, владевшая шикарным загородным домом, отлаженным бизнесом своего покойного отца, имеющая скверный склочный характер и намерение выйти замуж за принца – по-детски приоткрыла влажные полные губки. Так ей было интересно.

Лариса перевела взгляд на Илону. А ей как?

Ну да, кажется, тоже зацепило.

Она всегда закрыта и загадочна, голубые глаза смотрят надменно и холодно, густые русые волосы едва достают до плеч. Самых прекрасных плеч, как втайне считала Лариса. В Илонке вообще все было прекрасно, на ее взгляд. Метр семьдесят пять, спортивно сложена, но без излишней угловатой мускулистой сухости. Всегда ухожена, со вкусом одета, немногословна. Они дружили уже лет семь или чуть больше, а толком ничего о ней не знали. Ни Лариса, ни Верочка.

Упоминалось какое-то туристическое агентство, которым Илонка владела то ли на паях с кем-то, то ли самостоятельно. Подробности не оглашались. Вскользь озвучивалось, что Илонка подписала документы на владение загородным клубом, то ли охотничьим, то ли спортивным. Лариса, убей, не помнила. А может, не уточнялось? Потому и не помнила?

Или не было этого вообще ничего. Не существовало. Такие подозрения выдвигала пару раз Верочка, решив сплетничать с Ларисой за спиной их третьей подруги. Она считала, что Илонка специально напускает туману, чтобы никто не сумел рассмотреть, что за этим туманом ничего нет. Пустота.

Лариса так не думала. Она верила, что у Илоны есть деньги. Ее наряды и украшения немало стоили. Она часто ездила отдыхать на дорогие курорты. И квартира у нее была в центре. Пусть не очень большая, всего лишь трехкомнатная, но красивая, с дорогим ремонтом и современной мебелью.

Лариса не думала, что Илонка им врет про свое туристическое агентство. Лариса думала, что Верочка ей просто завидует, вот и сплетничает время от времени.

Позавидовать-то было чему! Илонка была, на взгляд Ларисы, совершенна. Когда они втроем появлялись в публичном месте, то все мужики смотрели на нее, только на нее и ни на кого больше.

К примеру, как сейчас. Они съехались сюда позавтракать и поболтать. Расселись за столом. Лариса машинально окинула взглядом зал. Народу немного. Семья из трех человек: папа,

мама, сын подросток, за столиком по соседству. Молодая пара в дальнем углу. Молодой мужчина за столиком у входа. Сколько представителей мужского пола насчитывается? Правильно, четверо, включая мальчика подростка. Так вот все эти мужские взгляды, учитывая четвертый очень юный и не совсем созревший, были направлены в сторону Илонки.

Лариса это заметила сразу, и, смиренно вздохнув, заняла такое место, чтобы не видеть никого из них. Не видится и не думается, так она решила.

А вот Верочка...

Верочка злилась. Откровенно пялилась на мужиков, поигрывала дорогим, неуместным за завтраком, на взгляд Ларисы, ожерельем. И без конца облизывала губы.

Ну не дура! Ну что за игрища!

– Так что тебе сказала эта молодая, наглая тварь? – вдруг нарушила тишину Илона.

Она сказала это сердито, с явной неприязнью, адресованной молодой твари. И Лариса сразу прониклась к ней нежностью. Все же Илонка за нее. На ее стороне.

– А она говорит мне: я люблю вашего мужа.

– Что?!

– Что?!

С паузой в три секунды вырвалось у подруг.

– Да, она так сказала. – Лариса уронила ладони на край стола. – Эта молодая красивая девка сказала мне, что любит моего Андрея.

– А ты что? Ты что?

Рот Верочки снова приоткрылся, злые зеленые глаза остановились на Ларисиних ногтях. И ей сразу захотелось спрятать руки под скатерть. Маникюр требовал коррекции. Она была записана на сегодня. На три часа дня. И ей не следовало сейчас демонстрировать свои руки подругам. Ни одна, ни вторая не терпели такой неухоженности.

– Ты что ей ответила? – настаивала Верочка.

Кажется, с облупившимся гелем на ногтях пронесло. Она не заметила. Или заметила, но пропустила это, простила Ларисе за молодую наглую соперницу.

– Это все, что она тебе сказала? – вдруг подала голос Илона, с вызовом задирая точеный подбородок. – Или, если я не ошибаюсь, было что-то еще?

– Да, было. – Лариса нервно улыбнулась девочкам. – Она сказала, что Андрюша тоже ее любит, и они хотят быть вместе.

– Как это? Вместе! Что значит вместе? – фыркнула Верочка.

– То есть она намекнула тебе, что Андрей собрался от тебя уйти? Он собирается тебя бросить? Я права?

Илона потянулась к пепельнице, но тут же одернула руку. Она не курила уже год. Или просто при них не курила.

– Да, ты права. Она мне ясно дала понять, что Андрей от меня уходит. И что у них любовь-морковь и все такое, – ответила Лариса, рассматривая подруг.

Верочка, кажется, искренне переживала непростую ситуацию, в которую попала Лариса. Она злилась, фыркала. Илона прореагировала странно. Взгляд сделался отстраненным. Губы нервно подергивались. Создавалось впечатление, что она изо всех сил борется с улыбкой.

– И что ты, Ларочка? Что ты сделала? – вдруг спросила она. – Ты странно спокойна сейчас. Даже ухитрилась съесть омлет весь до крошки. Ужасная новость тебя не расстроила? Или девка тебе соврала?

– Да, Лариса! Что ты ей ответила? Не надавала по лицу? – встряла Верочка, интенсивно двигая челюстью, она доедала салат. – Что? Как?

– Да никак. – Лариса вдела указательный пальчик в дужку кофейной чашки, остальные поджала, чтобы ногти ее не было видно, поднесла чашку ко рту, хлебнула. – Ничего я ей не сказала. Я проснулась.

Вот! Вот ради этого мгновения она и затевала все. Она пригласила их, вела рассказ, интригуяюще понижая голос, будто вот-вот расплечется. Она держала паузу. И подвела их к развязке, заставив понервничать даже выдержанную Илону. И потом ба-бам! Сюрприз!

– Что ты сделала? – Верочка перегнулась, наваливаясь на стол плоской грудью. – Проснулась?

– Ага. – Лариса сделала еще один глоток кофе. Дернула плечиками. – Я проснулась.

– Так эта вся хреновня, о которой ты нам тут рассказывала, была сном?

Злые зеленые глаза Верочки превратились в два страшных омута. Лариса поежилась. Ей вдруг показалось, что оттуда на нее смотрят два безжалостных чудовища, готовых ее сожрать, не пережевывая. Сделалось немного неудобно.

– Да, девочки, это был сон. Но кошмарнее сна не было в моей жизни, уж поверьте, – забормотала она, пряча взгляд в кофейной чашке. – Это было так явственно, так реалистично, что... Что я проснулась в слезах. И весь день потом была сама не своя. И вдруг начала приглядываться к Андрюше. И едва не залезла в его телефон. Вовремя остановилась.

– Да? И что же тебе помешало? – Илона запустила пальцы в пепельницу, принявшись поглаживать нежное хрустальное доньшко. – Совесть? Страх?

– Страх, наверное, – подумав, призналась Лариса.

– Страх перед чем? – не отставала Илона, сделав свой голос тихим и вкрадчивым. – Перед правдой? Перед разоблачением? Перед гневом Андрея?

– Не знаю. Наверное, все вместе.

Лариса вдруг почувствовала себя жалкой. Жалкой на фоне своих подруг, которые были значительно моложе ее, интереснее внешне. Не удачливее, нет. Но беззаботнее. Им не нужно было бояться потерять кого-то, у них никого не было. А у нее был Андрюша – любимый, заботливый муж, с которым она прожила три года в полнейшей гармонии. У нее был Игорек – любимейший из любимых сыночек. Его она просто обожала.

Вернее, она обожала обоих. И без Андрея уже жизни себе не представляла. И без Игоря не представляла своей жизни последние девятнадцать лет. Ровно столько ему исполнилось месяц назад. Страх за них, за их жизни, за их здоровье и благополучие иногда превращал ее жизнь в кошмар. Потом к этому кошмару добавилась ревность, странным образом просочившаяся из сновидений. Или наоборот, ревность влезла в ее сны, материализовавшись в образы красивых молодых девушек, претендующих на ее мужа и сына.

Про сон она не соврала. Он снился ей. Причем уже трижды. Девушки каждый раз бывали разными, а вот их монолог оставался одним и тем же. Сонники ничего внятного не посоветовали. Звонок знакомому психологу тоже ничего не дал. Она надеялась на подруг. Но, кажется, немного перестаралась, затянув развязку. Или не немного?

– Простите меня, девочки, – проговорила Лариса, поставив чашку на стол и пряча руки на коленях. – Мне нужен был ваш совет. Простите, что ввела вас в заблуждение и...

– Совет-то какого толка? – огрызнулась Верочка. И добавила: – Ну, ты и дура, Ларка.

Она откинулась на спинку стула и забарабанила пальцами по краю стола. С ее маникюром все было в полном порядке. Она смело могла его демонстрировать.

– Просто совет, – тихо откликнулась Лариса и показала себе еще более жалкой. – Мне уже трижды снился такой сон, девочки.

– Ого! – Илона прищурила холодные голубые глаза. – С одним и тем же персонажем?

– Нет. Девушки всегда разные. Незнакомые. Но их слова... Все всегда одно и то же. Они говорят мне одно и то же. В каждом сне, – пожаловалась Лариса.

Она посмотрела на подруг. Кажется, ее простили и уже сочувствуют. Верочка, во всяком случае. По лицу Илонки, как всегда, сложно было что-то понять. Но ее пальцы перестали ласкать дно пепельницы, взяли за ложку, принявшись ворошить горку густой рисовой каши. Уходить не собирается. Значит, Лариса прощена.

– Ты Витебсону звонила? – деловито поинтересовалась Верочка. – Вижу, звонила. Что он говорит по этому поводу?

Витебсоном как раз и был тот самый знакомый психолог, которому она позвонила после третьего тревожного сновидения. Он был другом ее детства. Они жили в одном дворе. Вместе ходили в садик, потом в школу. Затем вместе поступили в медицинский. Она со второго курса ушла в педагогический. Он продолжил обучение. Виделись не часто, редко созванивались. Но в помощи друг другу никогда не отказывали. И это ценилось обоими.

Вообще-то его звали Витькой. И фамилия у него была самая обычная – Иванов. Витебсоном она прозвала его в студенчестве. Так и приклеилось. И практиковал он уже, как Витебсон, взяв прозвище за псевдоним. На визитках тоже оно значилось.

– Витебсону звонила, – призналась Лариса.

– И что он?

– Посоветовал больше бывать на свежем воздухе, больше отдыхать, сменить обстановку. Так? – ответила за Ларису Илона, затем скептически сложила идеальной формы губы. – Что они могут еще сказать! Так ведь?

– Нет, не так, – немного обиделась за друга детства Лариса. – Он посоветовал поразмыслить и определить причину моих страхов, которые движут моими снами. Они могут быть не явными. Могут сидеть глубоко в подсознании. Но что эти сны вызваны тревогой, это однозначно. Так он сказал. Или приблизительно.

– Ага...

Илона проглотила третью по счету ложку густой рисовой каши. Осторожно тронула рот салфеткой. По примеру Верочки откинулась на спинку стула.

– Стало быть, к страхам залезть в телефон мужа и проверить его переписку и контакты добавились еще какие-то? Или с тех, других страхов все и началось?

Вот почему-то не нравилась ей реакция Илоны, хоть убей. Как-то не так она себя вела. Не так подруга должна была себя сейчас вести. Сначала показалось, что сочувствует. Видимо, она ошиблась, приняв ее любопытство за сочувствие. Верочка вот, хоть и разозлилась поначалу, теперь, кажется, за нее даже переживает. Посматривает с тревогой и жалостью.

– Ларис, послушай, – нарушила она тишину, повисшую над столом. – Ты вот постарайся вспомнить, с чего все началось?

– В смысле?

– С чего начались твои сны? Может, произошло что-то?

– Нет. Не происходило ничего.

Она уже думала и пыталась вспомнить по совету Витебсона. Ничего не вспоминалось. Все было сладко да гладко в ее семье.

– Может, ты случайно услышала обрывки какого-то телефонного разговора? – вставила Илона, подчищая ложкой остатки рисовой каши с тарелки. – Или увидела Андрея с какой-то женщиной? Случайно...

Ну, вот почему ей все больше кажется, что Илона получает от всего этого разговора тайное удовлетворение? Это на самом деле так, или это свидетельство начинающих проблем с ее личным психоэмоциональным состоянием?

– Не было подслушанных разговоров. Не было никаких женщин, девочки. Вообще ничего не было. А сны продолжают сниться. Странно.

Лариса попыталась улыбнуться весело и беспечно, но не вышло. Почему? Да потому, что девочки ее не поддержали. Не сделали так, как она ждала. Не рассмеялись, не назвали ее рассказы дурью, блажью. Они затихли, задумались. А Верочка даже губы начала покусывать. То ли с досады, что потратила на Ларису свое драгоценное утреннее время, то ли от волнения за нее.

– Знаешь, Ларочка, на самом деле все может оказаться полной ерундой, – заговорила Илона, закончив с кофе. – А может все быть и очень серьезно. Мозг человеческий так устроен, что...

– Что? – Верочка скептически изогнула губы. – Что ты в этом понимаешь, Илонка? Не пытайся умничать.

– Не пытаюсь, – миролюбиво улыбнулась та. – Просто хочу рассказать одну историю.

Рассказ о чьих-то сновидениях получился сумбурным, каким-то нереальным, с трагическим финалом. Закончив, Илона развела в стороны руки и провозгласила:

– Вот как-то так.

– Ой, да ерунда! – невольно рассмеялась Лариса. – Хочешь сказать, что женщины в моих снах – это собирательный образ любовницы, которая меня жаждет сместить с моего места?

– Ну да. Хочу так сказать. И ее чувства настолько сильны, что ты их буквально чувствуешь, осязаешь. И...

– Илонка, хватит пургу гнать! – рассвирепела Верочка и ладошкой по столу прихлопнула, приведя в негодование девушку за столом по соседству. – Ларке просто меньше надо сериалов смотреть и журналов женских читать. Там одни советы: как удержать мужчину, как себя не уронить. Какие-то без конца признаки публикуют: как распознать измену, как распознать коварство, любовь, зависть. Читаешь ведь, признавайся, читаешь, Ларис?

Лариса мелко закивала. Подобные публикации она любила. Отчасти за то, что ни один из перечисленных признаков она ни разу не смогла применить к собственной ситуации. Подруги, получалось, ей не завидовали. Муж не изменял. Сын не обманывал.

– Твои сны – это усталость от монотонности жизни. Съезди куда-нибудь, развлекись. Поменяй гардероб, в конце концов, – принялась поучать Верочка. – Побольше времени себе уделяй. Да, и маникюр, маникюр обнови, дорогая. Никуда не годится.

Пять минут прошло после того, как за Ларисой закрылась дверь обеденного зала, а Илона и Верочка продолжали сидеть и смотреть друг на друга.

– Что скажешь, дорогая? – первой не выдержала Верочка. – Что все это значит? Что за ерунда с ее снами? Ларисе не могло это присниться просто так! Из-за кино или журналов. Она самый из нас троих адекватный человек.

– Согласна, – кивнула Илона, захватила пряжку и принялась накручивать ее на пальчик. – Не хотела говорить, но...

– Но?

– Но, кажется, у Ларисы есть повод для беспокойства.

– Что ты имеешь в виду? – тонкая шея Верочки вытянулась, взгляд застыл. – Андрей?

– Я тут недавно видела его с каким-то мужиком в ночном клубе. Оба были навеселе.

– И что? Господи! А я-то подумала! Ну, выпили мальчишки, оба совершеннолетние, – фыркнула весело Верочка.

– Они были с бабами, Вера. С теми самыми бабами, которых не берут на одну ночь.

Глава 3

– Итак, Сергей Игнатьевич, давайте с самого начала и по порядку.

Начальник службы безопасности отеля – молодой крепкий мужик под два метра ростом, в белоснежной накрахмаленной рубашке – прошелся по нему ласковым взглядом. Опасно ласковым, если точнее. Этот взгляд угрожал, предостерегал, наставлял, заставлял нервничать. Правильнее, он заставил бы нервничать кого угодно, но не Сергея. Навидался он таких умников с такими опасными взглядами. Когда его служба собственной безопасности допрашивала в течение трех месяцев, он увидался и послушался всякого. И ласково с ним говорили и грубо. И улыбались и хмурились. И обещали и лишали надежды.

Он закалился. Окреп. И поэтому опасная ласковость крепкого мужика в белоснежной рубашке его совершенно не напугала. Наоборот, сделалось интересно и даже весело. Как тот сейчас станет его гасить? Какими будет пользоваться приемами?

– Начинайте, Сергей Игнатьевич, – порекомендовал начальник СБ отеля. – Я вас слушаю. Сергей вздохнул и начал. В третий раз начал повторять одно и то же.

– Производя осмотр вверенного мне участка, – забубнил он, не сводя взгляда с белоснежной рубашки, – я наткнулся на машину с ключами в замке зажигания. Рассказал об этом напарнику. Он тотчас же доложил вам.

– Все?

– Все.

Губы начальника службы безопасности отеля поиграли легкой улыбкой, потом сложились недоверчивой дугой. Голова закачалась. Но он не стал говорить, что не верит ни одному его слову, что все слова охранника стоянки – лажа. Он просто задал очередной вопрос:

– Почему вы обратили внимание именно на эту машину, Сергей Игнатьевич?

– Я на все машины обращаю внимание, Иван Дмитриевич, – вспомнил, наконец, он, как зовут крепкого мужика в белоснежной рубашке. – Эта не явилась исключением.

– И все же? Ваш напарник уверяет, что вы буквально носом приклеились к стеклу, рассматривая салон. Почему?

– Потому что машина наглушняк затонирована. Вот и приклеился, – фыркнул Сережа почти весело.

Развеселил его не вопрос, конечно, а то, что Глеб, скотина, поспешил сдать его. Очистился, что называется. Проспался сначала после бессонной ночи, нарушив все существующие инструкции, а потом сдал. И хорошо, что он не согласился делить с Сергеем «однушку» за территорией отеля. Такого иуды под одной крышей ему не надо.

Ну и еще весело стало от причины, по которой он обратил внимание на иномарку. Расскажи он о ней начальнику службы безопасности, высмеет, не поверит. Или попробоват?

– А тонировка передних стекол и ветрового стекла у нас в стране запрещена, – добавил Сергей с улыбкой. – Вам ли не знать.

– У нас десять процентов на стоянке таких машин. Но вы отчего-то обратили внимание именно на эту. Почему?

Настырный какой! Ладно, надо сказать ему правду. Не отстанет ведь. К тому же наверняка уже просмотрел записи с камер и обнаружил, что охранник Журенков что-то футболит по стоянке.

– Камень. Всему виной камень, – проговорил Сергей, уставившись в глубоко посаженные серые глаза начальника СБ.

– Какой камень?

Что-то в лице его дрогнуло. Будто слова Сергея он принял за издевку.

– Маленький такой камушек. Случайно под ноги попался. Чистота ведь кругом. Стерильно просто. А тут этот камушек. Я и начал его футболить.

– Что начали? – глаза мужика сделались крупнее. – Футболить?

– Ну да. Носком ботинка так поддевать. Неужели ни разу такого не делали, Иван Дмитриевич? Ну не поверю! – он широко заулыбался.

– Что дальше? – насупился начальник СБ.

– Камень этот под машину и улетел. Мне сделалось досадно. Я пошел туда. Обошел тачку, камня нет. Еще раз ее обошел. Уже пристальнее взгляделся. Дорогая, шикарная, судя по модели, недавно купленная. Стекла наглухо черные. Сделалось любопытно. Заглянул в салон. А там ключи в замке. Знаете, что я подумал в первое мгновение?

– Что? – Скулы начальника СБ нервно заходили, будто он пережевывать пытался что-то, да никак не мог.

– Я подумал, что комплектация-то не очень дорогая у такой дорогой тачки. Ключи в замке. А могла бы с кнопки заводиться. Это потом уже накрыло: а чего ключи то в машине, раз хозяина поблизости нет. Но в первое мгновение, клянусь, про кнопку подумал.

Сергей еще раз вежливо улыбнулся и замолчал.

Он понимал, конечно, что что-то с этой тачкой было не так. Не просто так он повторяет свой рассказ уже третий раз. Какое-то палево, как сказал бы его бывший коллега Валера Ломов. Может, при досмотре автомобиля что-то обнаружили? Может, хозяин не нашелся? Причин могло быть множество. Не просто так этот мужик так невыносимо важничает.

– Что-то еще подозрительное заметили в салоне автомобиля при беглом осмотре? – вдруг спросил Иван Дмитриевич и впервые отвел от него взгляд в сторону.

– Я ее не осматривал, Иван Дмитриевич. Я просто заглянул внутрь сквозь стекло водительской двери. И все, что увидел, это салонную полиэтиленовую упаковку на передних сиденьях и ключи в замке зажигания, – осторожно поправил его Сергей. И не выдержал, спросил: – А хозяин что, претензию предъявил?

– С чего вы решили?

– Ну не просто же так мы одно и то же уже несколько раз повторяем. Видимо, какие-то проблемы. Что за проблемы, Иван Дмитриевич? – решил чуть нарушить субординацию Сергей.

Правилами это запрещалось. Начальник СБ отеля был на территории повелителем. Ему подчинялись многие. И вопросов лишних задавать не имели права.

– Да, проблемы, – не стал вилять Иван Дмитриевич. И вдруг спросил не к месту совершенно: – А за что вас погнали из органов, Сергей Игнатьевич?

– Меня по недоразумению. Потом разобрались, отстали, но восстановить не поторопились. А вас? – Он сразу ошетинился. Захотелось нагрубить, разозлить. – Я же угадал в вас коллегу, пусть и бывшего. До пенсии вам рано. Сами мы не уходим. Так вас-то за что, Иван Дмитриевич?

– Хмм... – хмыкнул начальник СБ и вдруг полез из-за стола.

Обошел его слева, дошел до того места, где сидел Сергей, и принялся задира́ть штанину на левой ноге.

– Меня вот за что. – Иван Дмитриевич постучал по протезу голени. – Авария. Пенсия. Тосковал и пил поначалу. Потом друзья предложили сюда. Я не отказался. Уже пять лет работаю.

– Нравится?

Сергей судорожно сглатывал, но во рту было сухо.

Он идиот! Мог бы догадаться. Видел же, замечал странности в походке этого мужика.

– Мне нравится. – Иван вернулся на свое место. – А вам?

– А мне не очень.

– Почему? Скучно? Скучно настолько, что приходится искать под ногами мусор, чтобы попинать?

На этих словах он развернул монитор компьютера к Сергею. И он увидел себя, сосредоточенно играющего с крохотным камушком. И тут же похвалил себя: хорошо, что сказал правду.

– Типа того, – кивнул он. И признался: – После моих трудовых будней, которые внезапно закончились и остались в Москве, мне здесь как-то... как-то очень тихо и спокойно. Очень! До тошноты!

– Знаете, то, что вам очень скучно и спокойно, это хорошо. Это еще раз подтверждает, что мы отлично работаем, что наши клиенты в полной безопасности. И на этот счет можно быть спокойными. – Иван удовлетворенно улыбнулся, сложил на столе руки, сцепив пальцы замком. – Теперь что касается хозяина иномарки.

– Что с ним не так?

По тому, какой непроглядной пеленой затянуло глаза эсбэшника, Сережа сразу почувствовал – дело скверное.

– С ним? С ним все не так! – и он беззвучно шевельнул губами, но ругательство угадывалось. – Мы его не нашли.

– Он пропал? – спросил Сережа.

Иван Дмитриевич отрицательно качнул головой.

– Или его нет в принципе?

– Что значит, нет в принципе? – отозвался тот ворчливым вопросом. – Что вы имеете в виду?

– Ну... То, что на территории отеля такое лицо не зарегистрировано, – подергал плечами Сергей. – Вот что я имею в виду.

– Бинго, коллега, – похвалил его начальник СБ с кислой улыбкой. – Хозяина тачки нет. Его нет в отеле. Он не прошел регистрацию. Он не живет здесь. Не отдыхает.

– А как же тогда был получен регистрационный лист? На ветровом стекле он же был.

– Был. Но липовый этот лист. Просто взят образец. Скопирован. Вписаны данные этой машины.

– Число выезда указано?

Он поругал себя тут же, что не поглядел, когда осматривал машину. Не успел. Стоило Глебу доложить, как тут же налетели эсбэшники во главе с Иваном Дмитриевичем. Их оттеснили. Машину потом перегнали куда-то. Честно? Он не вникал. Пофиг! И забыл бы, не вызови его начальник к себе и не начни допрашивать.

– Число выезда? Ага, указано. Тридцать первое августа.

– Ого!

– Вот и «ого».

– А число заезда?

– Первое июня. Но на камерах нигде не зафиксировано. Думаю, тоже липа. Сейчас отматриваем все, но пока пусто. Просто бред какой-то! – всплеснул руками Иван Дмитриевич совсем несолидно. – Ладно, бумага на стекле, тут все ясно. Но как машина попала на территорию?!

– К слову, о бумаге, Иван Дмитриевич.

Сергей откинулся на спинку стула, на котором сидел. Вытянул ноги, скрестив их в щиколотках, и принялся пощипывать подбородок. Поймал себя на мысли, что именно так всегда сидел на прежней работе, когда много думал о деле, которое вел. Вспомнил свою клятву, никогда больше к этому не возвращаться. Никогда! Отогнал все к чертям подальше. И... не поменял позы.

– Бумага... Бумага за территорию ворот не выезжает. Она остается у охранника на шлагбауме. И карта тоже.

– Совершенно верно.

– Значит, копию сделали здесь. Либо сфотографировали, либо откопировали. Либо выдали на стойке регистрации. Если последнее, то все просто. Это кто-то из своих. Если копия сделана с фото, то дело дрянь. Не найдем никогда.

Что?! Что он только что сказал?! Не найдем? Почему он применил множественное число? Потому что машинально причислил себя к бригаде поисковиков? Идиот! Ведь клялся же!

И не факт, что в его помощи здесь нуждаются. Совсем не факт.

– Сколько хранятся записи с камер видеонаблюдения? – спросил он угрюмо, искренне надеясь, что начальник СБ не услышал, как он оговорился.

– Начиная с пятнадцатого мая и заканчивая пятнадцатым октября, записи архивируются. И хранятся год. До начала следующего сезона. Все остальное хранится неделю.

– Другими словами, если не обнаружится записи, на которой эта тачка въезжает на территорию, значит, она здесь уже давно? – Сергей помолчал, щипая подбородок, потом качнул головой. – Нет. Ее там не было.

– Почему так думаете?

– Потому что я бы ее заметил.

– Даже без камня, в который играли? – поддел Иван Дмитриевич.

– Даже так. Я рано или поздно обратил бы на нее внимание. Ее там не было.

– Тогда как? – широкие плечи, обтянутые белоснежным батистом, поднялись и резко опустились. – Как она туда попала?!

– Надо посмотреть записи.

– Смотрим. Ничего.

– Надо проверить, всегда ли камеры работали? Могла быть пауза в пять минут. Этого достаточно, чтобы въехать незамеченным. Ну не помню я этой машины на нашей стоянке, хоть убейте! А я тут давно.

– Тогда это свои? Свои, получается?

– Не факт.

Сергей надолго задумался. Поймал пару подозрительных взглядов начальника службы безопасности. Подумал, что сам может запросто попасть под подозрение, и тут же лениво отмахнулся: пофиг.

– Машина могла попасть на территорию когда угодно. И переезжать от корпуса к корпусу. Надо просматривать записи со всех камер. А не только с нашего пункта охраны, – посоветовал он. – Въезд еще возможен со второго и третьего КПП. Записи те тоже нужны.

– Угу, сделаем.

Чудеса твои, господи! Начальник СБ Иван Дмитриевич принялся вносить заметки в свой ежедневник. И кивать согласно. Будто это Сергей Журенков тут всем распоряжался, а не он.

– Если уж и там она не засветилась, тогда... Тогда выходит, что она на территории с начала мая. Или с конца апреля. Хотя тоже исключено. Машин почти не было. Ее бы заметили.

– Да, – энергично закивал Иван Дмитриевич. – Основной наплыв клиентов с конца мая. Машин до этого мало. Если бы она курсировала от корпуса к корпусу, это непременно кого-то из охраны заинтересовало бы. Проверим... Проверим все записи с других КПП.

– А что с машиной?

– В смысле?

На мгновение прервав писанину под его диктовку, начальник СБ уставился на развалившегося на стуле Сергея. Кажется, вольность позы его покорила. Но он смолчал.

– Что-то в ней обнаружено?

– Чиста! Чиста и не запятнана. Будто только что с конвейера.

– Отпечатков нет?

– Что? Каких отпечатков?

– Пальчики, Иван Дмитриевич. Пальчиков не обнаружено?

– Скажете тоже, Сергей! Не криминалистов же мне было вызывать по такому случаю.

Меня тогда дирекция за одно место на пальму вывесит. Только тихо. Только своими силами. В машине чисто, в общем.

– А сама машина?

– Что сама машина?

– С ней что?

– А что с машиной не так? Чистая, новая, не покорябана, – ворчливо отозвался Иван Дмитриевич. – Одна беда – хозяин не найден. И только.

– Вот! – Сергей снова принялся пощипывать себя за бороду. – Ключевые слова – хозяин не найден. Потому что его искали здесь, на территории. А он может быть где угодно. Страна большая.

– Не пойму! – Иван Дмитриевич замотал головой, хватаясь за край стола. – К чему вы клоните?

– Машина может быть в угоне, Иван Дмитриевич.

– В угоне-е?! – прошипел тот, сильно затянув гласные. И незаметно перешел на «ты». – Что ты несешь, Сергей?! В каком угоне? Как она тут оказалась? Зачем?

– А чем не отстойник, Иван Дмитриевич? Она могла бы тут простоять до конца сезона, и может и простояла бы, не окажись я таким любопытным. Так что...

Он внезапно замолчал, поняв, что это совсем не его дело. Что ему не нужно во все это влезать. Не потому, что это могло быть опасно. А потому, что это могло его затянуть, как в омут. Снова затянуть. Как прежде.

– Так что? – уставил на него непонимающий взгляд Иван Дмитриевич.

– Так что надо пробивать машинку на предмет угона, товарищ начальник службы безопасности, – закончил со вздохом Сергей, поняв, что уже поздно отступать. Он уже вляпался.

Глава 4

Из кухни тянуло запахами. Он угадал жареные блины, подгоревший бекон и кофе. В принципе, его все устраивало. Все, кроме подгоревшего бекона. У него непременно случится изжога, если он съест хоть кусочек. Нельзя. А бекона хотелось. Он любил его на завтрак. До легкой прозрачности, до нежного хруста прожаренный. Залитый взбитыми яйцами, засыпанный мелко порубленной зеленью. Может, это было не очень полезно, зато очень вкусно. А потом блины – тонкие, почти кружевные, плавающие в растопленном сливочном масле, или в меде, или в сгущенном молоке. Не принципиально. И кофе. Много черного крепкого кофе. Непременно с сахаром.

Это был его любимый завтрак. Его супруга об этом знала и почти каждое утро готовила одно и то же. Редко подавала какую-нибудь кашу или творог. Он ел, конечно, не капризничал. И внимательно слушал ее наставления о правильном питании и здоровом образе жизни. Но...

Но все равно любил бекон и омлет на завтрак. И еще блины в масле. И много, много кофе.

Он любил жить не по правилам. Ему это нравилось. Его это заводило.

Он сбросил с себя тонкое, почти невесомое одеяло, скинул ноги на пол, резко встал. И сразу подошел к зеркалу.

– Неважно выглядишь, Андрюша, – пробормотал он едва слышно, рассматривая выпятившийся живот, мешки под глазами и мощные брыли, переходившие в двойной подбородок. – А ведь тебе-то всего сорок семь. Совсем распустился. Надо взять себя в руки.

Это была его обычная утренняя речёвка. С этого осуждения самого себя начинался его день. Проговаривалось все тихо, быстро, назидательно. Правда, без особого сожаления. Потому что он очень любил себя. Любил всяким: худым и толстым, молодым и стареющим, удачливым и не очень. Он, сколько помнил, всегда любил себя. И словно чувствуя его самолюбленность, окружающие его люди тоже принимались его любить. Сильно, самозабвенно, совершенно не замечая его недостатков.

А они у него были, да. Так же, как и у многих прочих. Весь мир заселяли такие люди. Абсолютно чистых не было. Все человечество этим страдало, хотя и стремилось к совершенству.

Он не стремился. Он жил в ладу с самим собой, ладил со своими пороками и других примирял с этим. И был абсолютно счастлив.

Открыв дверцу шкафа, Андрей достал с полки чистые домашние штаны из тонкой клетчатой фланели, майку агрессивного красного цвета, оделся и пошел в кухню. На запах подгоревшего бекона, жарившихся блинчиков и кофе.

Лариса хлопотала у плиты, переделывая омлет с беконом. Первая порция, видимо, ушла в мусорное ведро.

– Привет, – тихо произнес Андрей, замирая у двери в кухню. – Как дела?

– Привет. – Спина жены дернулась, она медленно повернулась, по губам скользнула неуверенная виноватая улыбка. – Прости, у меня еще не готово. Подгорело. Переделываю.

– Ерунда. Не страшно. Подожду.

Он обошел обеденный стол, добрался до жены, обхватил ее плечи и уткнулся губами в ее шею.

– Ум-м, как ты пахнешь, Ларочка! – прошептал Андрей, цепляя губами ее тонкую нежную кожу.

– Чем? Блинами? – грустно пошутила она.

– Почему блинами?

– Тогда чем? Подгоревшим салом?

Лариса не повернулась, как бывало. Не прислонилась щекой к его щеке. Не начала шептать ему всякие безобразные нежности. Он к этому привык. Ему это нравилось. Нравилось, когда она мурлычет, целует его. Нравилось с этого начинать день.

Что сегодня не так? Что-то не так?

Он и спросил. А Лариса неожиданно расплакалась, швырнув деревянную лопаточку на стол. Хорошо успела убрать сковородку с плиты, а то и вторая порция бекона очутилась бы в мусорном ведре.

– Ну что ты, что?

Андрей тяжело опустился на стул, схватил жену за руку и потащил к себе. Она послушно уселась к нему на колени. Обвила шею руками. Жадно прижалась к нему крупным мягким телом. Ему сразу сделалось жарко, захотелось освободиться, но он не посмел ее спихнуть.

– Ну! Что случилось, рассказывай?

– Сон!

– Что сон? Дурной сон приснился?

– Да, – пискнула она ему прямо на ухо. – Уже в четвертый раз. Один и тот же. Жутко!

Ее пухлая грудь ерзала по его животу, зад свисал с коленей. Было не очень удобно. Даже тяжело.

– Что за сон, малышка? – он спрятал улыбку в ее кудряшках. – Страшное чудовище гналось за тобой?

– Нет, не гналось за мной это чудовище. Оно сидело напротив и говорило мне страшные вещи. И было оно не страшным, а невероятно красивым и молодым.

Видимо, Ларисе самой было не очень комфортно ерзать на его коленках. Она слезла, подтащила поближе соседний стул и села рядом, подняв к нему несчастное, заплаканное, потное лицо.

– Это чудовище было твоей любовницей, – призналась она, не сводя с него пристального изучающего взгляда.

– Ух ты! – хохотнул он и ухарски шлепнул себя по коленкам. – И кто она? Не познакомишь?

– Если бы я знала. – Лариса шмыгнула носиком и резким движением откинула со лба вспотевшие кудряшки. – Персонаж каждый раз разный. А слова одни и те же.

– И что за слова? – Андрей дотянулся до ее коленок, обтянутых белым вельветом домашних штанов. Положил ладони. Слегка надавил. – Что за слова?

– Она говорит, что вы любите друг друга, и что ты собираешься меня бросить. Уйти к ней.

– Ух ты! – вырвалось у него невольно.

Он покрутил головой, выпятил полную нижнюю губу и на полном серьезе поинтересовался:

– Так к какой из четверых женщин я должен уйти? В твоём сне не уточняется?

– Да иди ты, Андрюша!

Ларисины щеки порозовели. То ли она гневалась, что он шутит, то ли радовалась, что он не воспринимает все всерьез.

– Четыре сна, так ты сказала?

Она кивнула.

– Четыре разные женщины. Тема одна. И?

– Что и?

Она жадно всматривалась в его лицо, пытаясь найти хоть какие-то следы испуга, что он может быть разоблачен. Пытаясь обнаружить хоть какой-то отголосок тайного чувства, истории о котором ей снились.

Ничего! Вообще ничего, кроме утренней беззаботности. С Андреем точно все в порядке. Может, Витебсон прав, и ей пора заняться своим здоровьем? Что-то с ней не так, раз ей такая чепуха снится.

– В каком направлении мне собирать чемоданы, Ларка? – Он поднял ладони выше, захватил ее грудь и слегка качнул ее. – Разве я могу от такого богатства добровольно отказаться, дуриха? Разве могу?

– Да-аа, – протянула она, улыбнулась. – А я бы с радостью килограммов десять этого богатства кому-нибудь отдала.

– И кому же, например? – Он скосил взгляд на свой живот, замотал головой. Притворно ужаснулся. – Мне хватит!

– Верочке, например. Ну, такая худая, такая худая! Мне иногда кажется, что она гремит, когда ходит.

Пару секунд они смотрели друг на друга, а потом расхохотались. Громко, искренне, бесшабашно.

Потом они долго завтракали, таскали куски друг у друга из тарелок и шутливо шлепали друг друга по рукам. Пили кофе. Съели кучу блинчиков, которые Лариса не упустила, сделала, как надо.

– Спасибо, малышка, – поблагодарил ее Андрей, тронул свой живот. – Обьелся. Балуешь ты меня. Все, я в душ и на службу.

Он тяжело поднялся и, нарочито волоча ноги, поплелся в ванную. Заперся, скинул с себя одежду и еще раз внимательно оглядел себя в зеркальной двери. Он толстый, рыхлый и некрасивый, сделал он вывод через пару минут. И никакой молодой красавице он за просто так не нужен.

Он нужен ей, как генеральный директор престижной фирмы с кучей денег. Нужен ей за рулем дорогой машины. Нужен ей на дорогом постельном белье в квартире, которую оплачивает. Нужен в престижном ресторане за шикарным ужином, который оплачивает тоже.

Только на таких условиях его станут любить молодые красивые бабы, которые не дают покоя его жене во сне. И беда в том, что его такие условия не устраивают совершенно. Его пока устраивает все здесь, в этом доме. Пока. Последние три года. Именно столько они были женаты с Ларисой.

Что будет дальше? Как сложится их дальнейшая совместная жизнь? Он пока не знал. Пока. Он не любил жить на перспективу. Любил жить сегодня и сейчас. Пусть и не всегда по правилам.

Когда он вышел из ванной: гладко выбритый, душистый, его уже ждали брюки и чистая сорочка, разложенные на кровати, которую Лариса успела заправить. Самой Ларисы не было видно.

– Лара, ты где? – громко крикнул Андрей, выглянув из дверей спальни.

– Я на дорожке, – запыхавшись, крикнула она в ответ.

Беговая дорожка была ими установлена полгода назад в просторной комнате, которую прежде занимал ее сын Игорек. Мальчик решил жить отдельно. Лариса купила ему квартиру в соседнем микрорайоне, а его комнату переделали под тренажерный зал. Андрей туда почти не заглядывал. Ленился. Лариса иногда надрывалась. Особенно после того, как наедалась углеводов. Занятие, на взгляд Андрея, было совершенно бесполезным. Лариса никогда не похудеет, никогда не станет такой, как ее подруги, к примеру. Конституция у нее была другой. И характер. Она была доброй, в отличие от них. А они были злыми. Особенно Илона.

Вспомнив о ней, Андрей помрачнел и замер с галстуком в руках посреди спальни.

Может или нет эта сучка доставить ему неприятности? Может испоганить ему жизнь? Сломать привычный сытый, беззаботный уклад его будней? Ее губы говорили: нет. Ее холодные глаза обещали проблемы.

Она была опасной. Как змея, которая притаилась в густой сочной траве. Это могло стать проблемой. И с этим надо было что-то решать. Не откладывать в долгий ящик. Не думать, что авось рассосется.

Андрей затянул петлю галстука, оставил расстегнутыми две верхние пуговицы на сорочке. Задохнуться, что ли! Не на прием. В собственный офис. Может хоть в домашних фланелевых штанах туда явиться. Никто не посмеет упрекнуть. Взял с кресла портфель, в котором почти ничего не было. Болталась пара каких-то документов, содержания которых он даже не помнил. Портфель таскал повсюду для солидности. Поискал взглядом телефон. Не нашел.

– Лариса, ты не видела мой телефон?

Андрей вошел в комнату с тренажерами, уставился на интенсивно шагающую жену в потной майке.

– В спальне, наверное, – отозвалась она запыхавшимся голосом.

– Нет его там. Я везде посмотрел. Даже под тумбочкой, – соврал он.

Лезть туда он бы не осмелился. Уже заправил сорочку в штаны. Нагнись, сорочка выско-чит. Снова расстегивай ремень, снова поправляй.

– Посмотри в кухне, – посоветовала Лариса и опустила глаза на шагомер. – Знаешь, мои результаты все лучше и лучше.

– Молодец, – похвалил он рассеянно и пошел в кухню.

Телефон нашелся на подоконнике, что было очень странным. Он точно его не приносил сюда сегодня утром. Он шел с пустыми руками. Карманов на его фланелевых штанах нет.

Лариса! Она? Насмотревшись глупых снов, решила влезть в память его телефона? Пере-тряхнуть все его контакты. Прочсть все его сообщения. Вот дураха неразумная! Андрей удо-влетворенно заулыбался, засовывая телефон в карман брюк. У нее ничего не вышло, он знал это точно. Влезть в его телефон можно было, только прислонив палец к сканеру. Какой из десяти, знал только он.

– Я ушел, – крикнул он от входной двери. – Буду поздно.

– Хорошо. Пока, милый! – ответила она криком на крик, жужжание механизма беговой дорожки не прекращалось. – До вечера.

Она не вышла его проводить. Не вышла поцеловать. Такого прежде не случалось. Только если ее не бывало дома. Странно.

Может, все же ей удалось каким-то образом разблокировать его телефон и влезть в пере-писку? А там есть кое-что, что может натолкнуть ее на нехорошие мысли о собственном муже.

Да нет, ерунда! Быть такого не может. Ларка в современных технологиях, как муха в меду. То и дело к нему бежит с вопросами.

Дождаясь лифта, Андрей смахнул высыпавший пот со лба. Неужели он боится? Боится настолько, что пот прошиб? Или это от жары? Или от чрезмерно сытного завтрака?

Так не жарко тут. Подъезд дорогого элитного дома прохладен и чист. Здесь скорее замерзнуть можно, чем зажариться. Нет, видимо, все же трусливая жилка где-то глубоко вибрирует, делая тревожные посылы.

Он вошел в лифт и не выдержал, вытащил телефон из кармана и набрал ненавистный номер.

– Алло! Алло, тебя почти не слышно, – произнесла Илона со свойственной ей насмешливой интонацией. – Ты в лифте, что ли? Тебя почти не слышно.

– Меня не слышно, потому что я молчу, – отозвался он сердито. – И хватит орать.

– Понятно. Чего звонишь? – Она не обиделась. Сразу переключилась на деловую волну. – Да еще из лифта. Что-то срочное?

– Лариса пыталась влезть в мой телефон, – пробубнил он и со вздохом добавил: – Какие-то сны ей снятся нехорошие.

– Слышала про сны.

Илона тихо рассмеялась. И смех ее был таким гадким, таким шуршащим, как шорох змеиной кожи по мелким камушкам. Андрей закатил глаза.

– Твоя работа?

– В каком смысле? – ее смех сделался чуть громче. – Хочешь сказать, что я способствую тому, что она видит кошмары? Ты не в себе, Андрей Васильевич? Или все же лучше тебя называть Николаем? Николаем Васильевичем, а? Так будет честнее. А?

– Сука! – прошипел он.

Представил ее глумливую улыбку, чуть подергивающую ее красивые губы. Увидел, будто она была рядом, будто ехала сейчас с ним в одном лифте – ее пальчик, игриво накручивающий прядку волос. Ощутил жар гладкой кожи ее коленей, которые она невероятно сексуально то разводила, то сводила, демонстрируя крохотный треугольник ажурного белья.

И снова повторил:

– Сука!

– И еще какая, Николай Васильевич. Еще какая! Ой, прости, оговорилась! – Она веселилась, фыркая через слово. – Все же Андрей Васильевич. Все же Андрей. Я помню наш уговор. И не нарушаю его.

– Заткнись, – попросил он вялым голосом.

Шагнул из открывшихся дверей лифта. Прошагал мимо консьержки, тут же учтиво оторвавшей свой зад от продавленного кресла. Едва ее заметил. Едва кивнул. Вышел на улицу, охнул, ахнул и почти бегом кинулся к машине. На улице было самое настоящее пекло. Рубашка тут же прилипла к спине и животу. По ногам, под брюками потек пот. И он даже немного понял своего пасынка, который избавлялся от растительности на ногах, считая это некрасивым и негигиеничным.

Андрей вдавил кнопку на брелоке сигнализации. Влез в открывшуюся машину и едва не расплакался. Сиденье было, как чертова адова сковорода. Одежда тут же пропиталась потом. По лицу, шее текло. Волосы намокли и прилипли к темени и вискам. Хорош он явится на работу. Генеральный директор!

Кондиционер пять минут исправлял ситуацию. Только через пять минут сделалось возможным нормально дышать и вести разговор с опасным собеседником. Илона все это время терпеливо ждала.

– Ты надоумила ее порыться в моем телефоне? – спросил Андрей, отдышавшись под струей ледяного воздуха. – Не отрицай! Знаю, ты! У Ларисы не хватило бы ума и наглости это сделать.

– Слушай сюда, умник, – протянула она таким развязным, таким отвратительно незнакомым голосом, что он тут же вспомнил о дешевых шлохах. – Мне ни хрена не нужны проблемы. Поэтому я ничего не говорила твоей жене. И не скажу. Мне не надо. Запомни, повторяю по слогам: мне не надо.

– А кому надо?

Андрей нашел взглядом окна Ларисиной квартиры, расположенной на шестом этаже. Большая квартира, нарядная, удобства на каждом шагу. Даже массажер для ног имеется, и машинка для чистки обуви. Как в хорошем отеле. Он, честно, охренел, когда въехал. Сейчас уже привык. Свыкся с мыслью, что так и должно быть в хорошем доме.

– Кому надо? Не слышу! – грубо окрикнул он притихшую Илону.

Отказываться из-за этой гадкой бабы от всего, что он имел рядом с Ларисой, он не собирался. И вообще не из-за кого не собирался. И задавит всякого, кто посягнет.

– Ну, не знаю, Верочку потряси.

– Верочку? – удивленно округлил глаза Андрей.

Вот кого он не посмел бы упрекнуть в том, что она любительница лезть в чужие дела, так это Верочку. Да, она злая была, часто до невежливости. Но не сплетничала и никогда не пыталась во что бы то ни стало завладеть чужими секретами. Даже сторонилась этого.

В отличие от Илоны.

– И что же Верочка? – не поверил он. – Дует Ларисе в уши?

– Ой, что-то говорила про то, что видела тебя с коллегой в ночном клубе. Кажется, видела вас с бабами.

– Вздор! Не был я ни в каком клубе ни с какими бабами. Если и был, то с деловыми партнерами. И только! – возмутился Андрей, глянул на часы, чертыхнулся.

Он опаздывал на утреннюю планерку. Сам ввел это правило и сам же опаздывал.

– В общем, надо поговорить. Не по телефону. – Он выгнал машину со стоянки, развернулся и поехал со двора. – Давай сегодня в восемь вечера. В «Триумфе». Поужинаем заодно.

– Ох, Андрюша, нет у меня денег на такие заведения.

– Я угощаю, – нехотя пробормотал он.

Кормить Илону за свои деньги ему было невмоготу. Он ее едва терпел. Но выхода не было. Надо было поговорить.

– Хорошо. Идет. В восемь в «Триумфе».

Она снова тихо рассмеялась. А он поежился, будто по шее змея проползла и за воротник скользнула.

Тварь! Мерзкая тварь! Как же от нее избавиться-то!

– Но учти, Андрюша, у меня очень хороший аппетит. Особенно за ужином... Да, и если я не успею, приезжай ко мне. Для тебя мои двери всегда открыты.

Глава 5

Сереза с хрустом потянулся, уронил руки на подушку над головой и с силой выдохнул. Новое утро. Новый день. На работу сегодня не надо. По графику – выходной. И он может валяться сколько хочет. Может пойти на пляж, хотя особого смысла не было, загар уже не лип к его бронзовой коже. Купаться в море не хотелось. Надоело. Но можно было поехать в горы. И остановиться на сутки в прекрасном отеле. Там был бассейн с видом на горы, и бармен подносил напитки прямо к бортику. А еще там был уютный ресторанчик на тридцать посадочных мест. Там невероятно вкусно кормили и брали за все смешные деньги. И администратором там работала удивительная девушка Оксана. Красивая, нежная, внимательная, и главное – без навязчивости. Они уже трижды переспали. Секс им понравился.

Сергей закрыл глаза и послушал свое тело. Нет, не просило оно вывозить его в горы на свидание с милой девушкой Оксаной. Сна и отдыха оно требовало. Поэтому, повернувшись со спины на бок, он решил еще поспать. Он даже успел задремать, когда начался дождь. Тропический ливень просто. Он с такой силой молотил, что Сергею казалось, будто дождь, протаранив крышу и межэтажные перекрытия, барабанит в его комнате.

Он резко дернулся и открыл глаза.

Не было никакого дождя. На улице жгло солнце. Небо чистое, бездонное. А молотили в дверь, а не по оцинковке подоконника.

Он дотянулся до стула, сдернул с него спортивные штаны, надел и поплелся в прихожую.

– Спишь, сволочь? – ворвался с криком в его съемную квартиру Глеб Игнатьев. – Спишь?

– Сплю, – кивнул Сереза и оглядел напарника. – А ты чего как с цепи сорвался?

– А ты чего телефон выключил?

– Имею право. Выходной.

– И звонок не работает. – Глеб подозрительно прищурился. Поерзал глазами по стенам в прихожей. – Провода, что ли, перегрыз?

– Зачем?

– Чтобы не беспокоили! – фыркнул Глеб, осмотрел обувь у порога. – Ты не с бабой случайно, а, Сереза? Может, я помешал?

– Нет, не с бабой. – Сереза ухмыльнулся, тронул напарника за плечо. – Иди в кухню. Сейчас кофе сварю.

– Да не нужен мне твой кофе! – взорвался тот, но в кухню пошел, уселся за стол, огляделся. – А недурно у тебя тут. Свободно. Диван даже вместился.

– Угу.

Сереза всыпал в кофейник четыре большие ложки кофе, залил водой из чайника, поставил кофейник на огонь.

– И можно запросто не мешать друг другу, – мечтательно протянул Глеб, впившись взглядом в хозяйский диван-книжку. – Обивка новенькая. И вообще хата приличная. Не то, что наша ночлежка. Никакого покоя. Хотел сегодня поспать, отдохнуть.

– После бессонной ночи, – поддел его Сереза, намекая на запретное свидание.

– Даже если! И что! – огрызнулся напарник. Поставил локоть на стол, подпер небритый подбородок кулаком. Произнес не очень внятно: – Даже если и так, имею право. Моя личная жизнь и все такое.

– А ко мне чего в такую рань явился? Чтобы я твою личную жизнь разбавил?

Усмехнувшись, Сереза подхватил кофейник с огня, разлил огненный кофе по чашкам. Поставил чашки на стол, достал сахарницу.

– Молоко нужно? – спросил он, заглянув в холодильник.

– Не нужно.

– Это хорошо. Потому что молока нет.

Сережа сел за стол.

– Ничего мне не нужно. Ни молока, ни кофе твоего. – Глеб резко отодвинул чашку, кофе выплеснулся на стол темной кляксой. – Покой мне нужен. Покой! А он мне даже не снится. Все из-за тебя, блин!

Сережа молча потягивал кофе, дожидаясь продолжения. Он понял, не дурак, что Глеба сюда прислали. Не сам он пришел, чтобы пожаловаться на жизнь и дурное настроение. Он даже адреса Сережиного не знал. Значит, снабдили в отделе по управлению трудовыми ресурсами, так сейчас модно назывался отдел кадров. Не дозвонились, потому что он благоразумно на выходные телефон отключал, и послали за ним напарника.

– Машина в угоне? – спросил он, допив кофе и протягивая руку за чашкой Глеба.

Ему не хватило порции. Хозяйские чашки были слишком маленькими.

– Не знаю я, – недобро покосился на него Глеб. – Сам спросишь. Мне без надобности.

Значит, ему ничего не сказали. Не сочли нужным ставить в известность, догадался Сережа. Может, по этой причине Глеб и бесится.

– И?

– Что и?! Что и? Собирайся! Каземиров за тобой послал. Какое-то расширенное совещание собирает.

– Ух ты, – хмыкнул Сережа без особого выражения. – На предмет?

– Да не знаю я, Серега, не знаю! – Глеб с грохотом уронил кулак на стол. – Велел достать тебя хоть из-под земли. Своим всем велел собраться. Какого-то гостя ждут, что ли?

– Что за гость? Хозяин тачки?

– Вот пойди и спроси. – Глеб широко зевнул, огляделся. – Может, я у тебя тут посплю, а?

– Нет, не может, – качнул головой Сережа и полез из-за стола. – Это моя территория, Глеб. К тому же я тебе предлагал. Ты отказался.

– Понял, – буркнул тот, резко вскочил с места и пошел в прихожую, добавив на ходу: – Жду на улице. В машине.

Ого! За ним даже машину прислали. Невиданные дела. А поначалу даже охранником стоянки брать не хотели. Его резюме долго висело на сайте отеля невостребованным. Потом вызвали под Новый год, долго мучили вопросами, смотрели настороженно, отправили со словами: «Мы вам позвоним». И не звонили почти месяц. И лишь после мартовских праздников он приступил к работе. Все это время его «пробивали», как подсказал потом Глеб Игнатьев.

Он неспешно оделся, решив, что бежать по первому зову не станет. Они в нем нуждались. Не он в них. Вышел из подъезда. Машина Каземирова с его водителем тихо урчала дорогим мотором возле самых дверей. Глеб сидел сзади. Сергею предложили сесть впереди. Он даже на минуту растерялся от таких почестей.

Вдруг не оправдает? Вдруг облажается? Что тогда? Уволят даже из охранников? А ему эта работа нужна. Платили неплохо. Времени свободного вагон. И от Светки опять же далеко.

– Сергей Игнатьевич, доброе утро, – встретил его Каземиров на пороге своего кабинета. – Идемте, все уже в сборе.

Он не стал спрашивать, куда. Понял, что идут в конференц-зал. Хотелось бы разъяснений, но от вопросов воздержался. Каземиров все же на часы глянул, намекая на то, что слишком долго собирался охранник стоянки, находившийся в его подчинении. За которым он к тому же свою машину посылал.

В конференц-зале было полно народу. Кто-то из службы безопасности отеля. Их Сережа узнал. Человек пять незнакомых. Кто они? Он мог лишь догадываться. Отдельно ото всех сидел пожилой мужчина в тонком дорогом костюме. На присутствующих он не смотрел. Внимательно изучал какие-то документы, разложенные перед ним на столе.

– Присаживайся, Сергей, – ткнул его в спину Каземиров, направляя в сторону обособившегося гостя. – Итак, начинаем.

И началось! Все по очереди докладывали. Тот, кто не докладывал, внимательно слушал. Потом задернули шторы, опустили экран, и началась трансляция видеозаписей. Комментировали их тоже разные люди.

Сергей слушал, смотрел. Пожилой мужчина в дорогом легком костюме тоже. Когда докладчики выдохлись, мужчина покосился на Сергея и спросил:

– Что скажете?

– Пока ничего, – решил он быть осторожным.

– Уже хорошо, – странно скривил тот губы и снова замолчал.

Слово взял начальник службы безопасности Каземиров Иван Дмитриевич.

– Итак, коллеги, налицо факт служебной халатности, – изрек он с печальной ноткой в голосе и прошелся жестким взглядом по своим подчиненным. – Машина, которая находится в угоне, странным образом обнаружилась на стоянке нашего отеля. Машина с фальшивыми номерами. Машина, которую поставили на регистрацию на нашей стоянке. Хозяин якобы поставил, заселяясь в номер. Но вот что странно. Хозяина по месту его заселения обнаружено не было. Он заплатил за сутки за номер, но не вселялся. Это было установлено совершенно точно. А машина странным образом была оформлена на стоянку на долгий срок. Что уже является нарушением. Грубейшим нарушением. И если бы не бдительность одного из наших охранников, то...

Его жест в сторону Сергея заставил того понервничать. Наверное, ему надо было встать. И представиться. Только зачем? Сорвать аплодисменты? Чуть какая-то. Показушная чуть.

– Сергей, – повелительно шевельнул пальцами Иван Дмитриевич.

И Сергею пришлось подняться.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Я уже высказал свою точку зрения, Иван Дмитриевич, – нехотя отозвался он и обвел взглядом присутствующих.

Конечно, большая часть их сейчас его тихо ненавидела.

Самый умный, да?! Высочка! Чертов высочка! Явился из ниоткуда, без году неделя тут, а уже дел замутил, не разобраться за год!

Только пожилой мужчина в дорогом легком костюме смотрел на него иначе. С неподдельным интересом смотрел, даже чуть оценивающе. Кто он такой?

– Повторите свою точку зрения, Сергей Игнатьевич, – неприятным голосом попросил Каземиров и добавил: – Нам будет интересно.

Да в гробу девяносто процентов присутствующих видели его точку зрения. Плевать им на нее было, как и на самого Сергея Журенкова, по вине которого сейчас все здесь собрались. А кто-то потом может быть будет и уволен.

Из-за его точки зрения, мать его!

– Прежде чем я скажу, позвольте спросить? – Сергей коротко глянул на Каземирова.

Тот кивнул.

– Личность человека, который загнал машину на территорию, установлена?

По тому, как удовлетворенно улыбнулся пожилой мужчина в дорогом легком костюме, Сергей понял, что начал свой рассказ с правильного вопроса. Но многим, включая начальника службы безопасности, его вопрос был неудобен.

– Установлено, что мужчина, загнавший машину на территорию отеля, пользовался поддельными документами, – нехотя произнес Каземиров, внимательно исследуя линии на своей ладони. – По ним он бронировал номер за три дня до того, как приехать.

– Его лицо засветилось на камерах? – задал второй неудобный вопрос Сергей.

– Нет. Он очень правильно передвигался по залу до стойки регистрации. Очень правильно двигался обратно. В номер, который он снял, он так и не въехал, поэтому на записях с камер первого этажа его корпуса его тоже нет.

– Хорошо. Спасибо, Иван Дмитриевич, – поблагодарил Сергей и пристально глянул на молчаливого гостя, отложившего в сторону документы. – Это ваша машина?

– В каком смысле? – тот растерялся, он не ожидал такого прямого вопроса.

– Вашу машину угнали и поставили здесь? – уточнил Сергей.

– Ах, вон вы о чем. – Он подергал плечами, будто пытался поправить пиджак, сидевший на нем идеально. – И да и нет.

Журенков вопросительно поднял брови.

– Я являюсь представителем страховой компании, Сергей Игнатьевич, – продемонстрировал отличную память на имена гость.

– Ага! – Сережа поднял вверх указательный палец. – То есть эта машина была застрахована в вашей компании перед тем, как ее угнали?

– Совершенно верно. Машина была угнана через неделю после того, как ее застраховали. Новый автомобиль, купленный в салоне. – Дядя произнес название салона, который у многих был на слуху.

– И что-то подсказывает мне, что это не первый случай?

– Совершенно верно.

– Сколько было угнано всего машин? Застрахованных в вашей страховой компании, сколько было угнано машин? – уточнил он вопрос.

– Эта – пятая, – нехотя признался дядя и зачем-то потрогал пуговицы на дорогом пиджаке.

– За какой период времени?

Это был вполне логичный вопрос. Неужели Каземиров не задал его?

– С сентября минувшего года это была пятая машина, которая была угнана. И за которую мы вынуждены были совершить выплаты по страховому полису.

– И за эту тоже? – удивленно вскинул брови Сергей. – Когда же успели?

– За эту, по счастью, нет. Спасибо вам. – Дядя скупно улыбнулся в сторону Сергея.

По конференц-залу пронесся возмущенный шорох. Он к этому был готов. Не готов был к реакции начальника службы безопасности – Каземирова Ивана Дмитриевича. Перестав изучать линии на своей правой ладони, он вдруг вскинул голову и спросил у гостя:

– А вознаграждение? Вознаграждение положено за найденный автомобиль?

– Гм-мм... – закашлялся мужчина, подавив скупую улыбку.

Опустил глаза в стол, на котором были разложены бумаги. Порылся в них. Кивнул.

– Да, знаете, я не успел еще об этом сказать. Но определенный процент от страховой суммы был нами назначен тому человеку, который бы способствовал тому, что угнанный автомобиль будет найден, – витиевато выразился дядя.

И тут же все взгляды вновь устремились на Сергея. Ему сделалось совсем паршиво.

– Учитывая, что автомобили, которые были угнаны, очень высокой стоимости, процент вознаграждения был нами назначен весьма приличный. Гм-мм... – снова закашлялся представитель страховой компании. – Одним словом, это очень-очень хорошая прибавка к жалованью.

Потом еще кто-то что-то говорил. Докладывал. Они все вместе снова просматривали записи с камер видеонаблюдения. Потом совещание закончилось. Все ушли. Все, включая страхового агента. Остались лишь Каземиров и Сергей. Сергея Каземиров попросил остаться.

«Сейчас станет прессинговать меня на предмет дележа страховой премии, – подумал Сережа, усаживаясь на место, которое ему указал начальник службы безопасности. – Не очень-то и хотелось этих денег. Пускай забирает, только пусть отстанет».

От того, что сказал Каземиров через мгновение, он остолбенел.

– Что?! Что вы сказали?

– Что слышал! – рявкнул Иван Дмитриевич. – Да, да, ты не ослышался. Я считаю тебя причастным к этим угонам, Журенков. И то, что ты засветил угнанную тачку на стоянке, свидетельствует только о твоей или вашей общей алчности. Узнали о вознаграждении и решили срубить еще бабла?

– Так надо было дождаться выплаты по полису, а потом уж... нелогично, Иван Дмитриевич, – попытался отшутиться Сережа.

– А мне плевать, что логично, а что нет! Может, поняли вы с подельниками, что земля горит под ногами, вот и решили сыграть на опережение. Лучше премию сорвать, чем вообще ничего. Ну! Чего уставился? Хочешь сказать, не прав я, да?

– Не правы, мягко сказано, Иван Дмитриевич. Это чушь полная. У вас нет оснований так думать.

– А вот и есть, а вот и есть. Есть у меня основания, парень, подозревать тебя в причастности к угонам дорогих иномарок. Хочешь узнать, какие?

Его крупное лицо покраснело. Брови метались над глазами, как крылья маленькой птички. И он почему-то без конца смотрел на свою раскрытую правую ладонь. Словно шпатель там сложились все его линии: жизни, здоровья, удачи и счастья.

– Хочу. Узнать. Что за основания заставляют вас так думать.

– Да взяли твоего подельника в Москве, Сережа. Взяли! Прямо с поличным. Возле машины, которая числилась в угоне уже два месяца. С полным набором необходимых подручных инструментов. Хочешь знать фамилию подельника? Или сам знаешь? Сам назовешь?

– Хочу знать. Назвать не могу.

Кто бы знал, каких сил стоило ему его спокойствие.

– Валерий Ломов, твой бывший напарник, вот кто. Лейтенант полиции Валерий Ломов.

Глава 6

Он не приехал ночевать! Такого за три года еще не случалось ни разу. Никогда, когда он бывал в городе, он не спал где-то еще. Всегда ехал домой. Всегда. А сегодня не приехал. Хорошо, что позвонил и предупредил, избавив ее от необходимости листать телефонный справочник, разыскивая номера больниц и моргов города.

Господи! Какая же она дура! Зачем, ну вот зачем ей понадобилось рыться в его телефоне?! Что она хотела там найти? Фотографии тех женщин, которые ей снились? Хотела отыскать сообщения с их признаниями в любви?

Даже если и были женщины и признания их имелись, Андрей не такой дурак, чтобы хранить подобный компромат в своем телефоне. Даже с учетом того, что взлезть в его телефон оказалось делом сложным. Он позаботился о безопасности. Он заблокировал вход. И ей пришлось попотеть, прикладывая поочередно его пальцы к сканеру на экране. Андрей спал беспокойно и без конца выдергивал у нее из руки свои пальцы. А она, вместо того, чтобы опомниться, чтобы остановиться, продолжала.

И вот, пожалуйста, результат – Андрей не приехал ночевать.

– Почему, Андрюша? Что случилось? – спросила она неприятным самой себе писклявым голосом. – Что-то случилось?

– Все в порядке, милая. Все в порядке. Просто сейчас нахожусь далеко за городом. Пробки, навигатор показывает девять баллов. Представляешь, во сколько я доберусь домой?

Вопрос был риторическим. Но она все равно на него среагировала. И спросила:

– Во сколько?

– Во столько, что через полчаса вставать придется, – удивленно отозвался он, не поняв, почему она не понимает. – Благоразумнее мне переночевать здесь. Если что, звони. Спокойной ночи, дорогая.

Позвонить ему захотелось уже через час. Потому что это – если что – произошло. Потому что она извела себя угрызениями совести. И хотела ему во всем признаться. Что послушалась советов подружки и взлезла в его телефон.

Гадко! Как же гадко она поступила!

Андрей был славным человеком, честным, добрым. Когда она вышла за него замуж и позволила ему занять пост генерального директора на своей фирме, который прежде занимала сама, то немного побаивалась. Что станет с бизнесом? Как он станет поступать с ее людьми, с многими из которых она была знакома не одно десятилетие? Как проявит себя с деловыми партнерами, с конкурентами?

Много было сомнений.

Андрей оправдал все самые смелые ожидания. Он не развалил ее дело. Бизнес по-прежнему оставался прибыльным. Он не уволил людей, когда кризис диктовал ужаться. Он не грызся с конкурентами, ладил с партнерами. Он был человеком на все сто!

А она...

– Подлюка! – выкрикнула Лариса и мазнула пальцами по собственному отражению в зеркале. – Какая же ты подлюка, Ларка!

В телефоне не нашлось ничего компрометирующего. В телефонной книге не было ни одного «левого» номера. Ни одного сообщения с фривольным текстом. Там не было ничего, что могло бы породить в ней подозрения.

Очень много звонков и сообщений ей. Много звонков Игореше, Верочке и Илоне. И это было нормально. Он часто общался с ее подругами. Они могли даже пообедать без нее. И в этом не было ничего предосудительного. Они все вместе очень тесно дружили. Андрюша

даже время от времени пытался выдать ее подруг замуж, знакомил их с какими-то мужиками. Мужики не задерживались и все время завидовали, как ни странно, Андрею.

– Вот если бы твоя жена вдруг стала свободной, Андрей, тогда другой вопрос.

Что они находили в ней – сорокапятилетней кудрявой блондинке с оплывшими формами – она не знала. Считала себя самой обычной.

Теперь вот еще и подлой!

Она бесцельно бродила по пустой квартире, поражаясь ее размерам, будто очутилась тут впервые. И зачем им с Андрюшей такие хоромы? В некоторые комнаты они даже не заходят. Кухня и спальня – самые обитаемые территории. Еще мини-спортзал, переделанный из комнаты Игоря.

Вспомнив о сыне, Лариса загрустила. С того времени, как Игорек съехал, они почти не виделись. Он все время был занят. Объяснял это студенческими насыщенными буднями. Он учился на втором курсе престижного университета. Вечерами не мог приехать, потому что встречался с девушками. Знакомить ее с ними отказывался.

– Как только найду ту самую, одну-единственную, так приведу ее в дом, мам, – обещал сынок в недавнем телефонном разговоре. – Зачем тебе мои случайные связи?

Ей они были ни к чему. Ни его случайные связи, ни...

А может, у Андрея и были случайные связи. Может, не просто так ее мучили странные сновидения. Может, он и имел секс на стороне: случайный, ничего не значивший. Хотела бы она об этом знать?

Ответа у нее не было.

Лариса зашла в гостевую спальню, остановилась на пороге. Пару месяцев назад в этой спальне останавливалась Илона. Они вдвоем засиделись допоздна за бутылкой ликера. Потом приехал Андрюша. Присоединился к ним. Они пили, смеялись, даже танцевали под тихую музыку с телефона Илоны. Ночевать ее оставили в этой вот самой спальне, потому что Илона опьянела настолько, что не могла сидеть за рулем. А ехать на такси она отказывалась, наутро ей нужна была машина. Лариса, помнится, ей постелила и ушла в ванную. И что-то разморило ее там, она задремала. Пролежала в горячей воде минут тридцать, а то и больше. А когда вышла, то...

Андрей выходил из спальни Илоны.

Точно! Как она могла забыть! Он выходил из этой вот самой комнаты. Странно взъерошенный, потный, какой-то неловкий.

– Подруга у тебя ненормальная, Лара, – попытался он объясниться с вялой улыбкой в ответ на ее вопросительный взгляд. – Еле уложил. Все порывалась уехать на своей машине.

Она поверила и даже не переспросила: как именно он ее укладывал? И даже потом не вспомнила об этом ни разу. Почему вспомнила теперь?

– Потому что, Витя, разговоров с ней в его телефоне очень много, – прошипела она гневно в телефон, набрав Витебсона.

– И что с того? – Витебсон шумно зевнул, проскрипел что-то нечленораздельное. – Он и с другой твоей подругой общается, если ты не соврала.

– Общается, но не так часто.

– А как часто он общается с Илоной, Лариса? Как часто? – в голосе друга детства послышалось раздражение.

– Ты знаешь... – она принялась вспоминать и подсчитывать. – В некоторые дни чаще, чем со мной.

Витебсон странно хрюкнул и замолчал.

– А сегодня он не приехал ночевать.

– Звонил? Предупредил? – обеспокоенно отозвался Витебсон.

– Да. Звонил, предупредил.

– Ну, это не страшно. Ты прощена. Или он вообще не думает, что тебе удалось влезть в его телефон.

– Считаешь?

– Уверен. Мне вообще кажется, что ты ищешь проблему там, где ее нет. – Витебсон шумно вздохнул. – Лариса, давай уже поспим, а? У меня завтра первый сеанс аж в семь утра. Глаза слипаются.

– Спокойной ночи, – буркнула она недовольным голосом. – Спасибо за бесплатную консультацию.

– Ну чего ты обижаешься? Я правда устал. И я правда считаю твои страхи надуманными. Извини, но тебе не шестнадцать. Сорок пять, если я не ошибаюсь. Твой организм начинает стареть, сигнализировать.

– Спасибо, блин! Спасибо, что напомнил, сколько мне лет! – перебила она зевающего друга. – Это я и без тебя знаю – сколько мне лет. И без тебя знаю, что старею. Что набрала вес. Но...

– Но?

– Но все же так хорошо было у нас с Андрюшей! Все так хорошо было. – Она почувствовала, что сейчас заплачет, и с силой зажмурила глаза.

– Вот! Все хорошо. И пусть так все и продолжается, Лариска. Не надо искать черную кошку в черной комнате, особенно если ее там нет. Согласна?

– Ага...

Она опустила на край кровати в гостевой спальне, попрыгала. Пружины не скрипели.

– Ты чего затихла? – подозрительно окликнул ее Витебсон. – Не иначе снова о какой-то гадости размышляешь?

– Ага, – не стала она врать. – Сiju в гостевой комнате на кровати, на которой спала Илона, и думаю, что она совсем-совсем не скрипит. И если бы Андрюша...

– Остановись! Остановись, Лариса! – перебил ее Витебсон и застонал. – Ты хочешь предположить, что твоя подруга с твоим мужем прямо в твоём доме? Гадил тебе в твоём доме? А ты ничего не слышала? Не верю. Это не про тебя. У тебя абсолютный слух и...

– А когда я была в ванной? А они оба были пьяными? И когда я вышла из ванной, он вышел из ее спальни помятый, потный, взъерошенный.

– И что? – не совсем уверенно отозвался вопросом друг детства. – Он просто был пьян и не очень опрятно выглядел. Хватит уже, Лариса.

– Ладно, хватит. – Она снова попрыгала на кровати, ну совершенно бесшумно сжимался и разжимался дорогой матрас. – Спи. Спокойной ночи тебе, друг.

– Спокойной ночи, – он все медлил и не клал трубку и вдруг спросил: – Слушай, а кто тебе посоветовал влезть в телефон мужа?

– Почему я должна слушать чьего-то совета? – возмутилась она, но без особого напора, вяло как-то. – По-твоему, я без советчиков жить не могу?

– Можешь. Только вот обыскивать своего супруга... нет. Это не в твоих правилах, Лариса. Я вот лично считаю это пакостным. Ты, уверен, тоже. Кто-то тебя направил. Кто?

– Илона, – вспомнила она. – Она в разговоре со мной как-то вскользь произнесла, что если мне не дает покоя мысль о том, что у Андрея кто-то есть, надо заглянуть в его телефон. То есть поначалу она так не сказала. Когда мы сидели в кафе и завтракали. А потом уже в телефонном разговоре вскользь это посоветовала.

– Илона? – уточнил Витебсон.

Почему-то он показался Ларисе рассеянным. Может, спит уже одним глазом? Устал и засыпает. А она пристает со своими глупыми бабьими страхами.

– Илона.

– И ее звонков больше всего в телефоне твоего мужа?

– Да. Это ты сейчас к чему, Витя?

– Ох, Лариска, Лариска. Ни к чему я. Просто присмотришься к подруге. Не делай, умоляю, никаких далеко идущих выводов. А просто присмотришься. Все, я уснул...

Витька друг отключился. А она завалилась, обняв подушку, на гостевую кровать и пролежала без сна почти до самого утра. Все что-то вспоминала и вспоминала, анализировала, сопоставляла.

Под утро родился неутешительный вывод: ее обманывают. Может, и не так серьезно, как это случилось в ее снах, но обман в ее жизни присутствует. А почему? А потому, наверное, что в какой-то момент она оказалась задвинутой на второй план. Превратилась в домашнюю клушу.

С ней неинтересно стало делиться новостями бизнеса, потому что ее куда больше интересовала категория телятины, купленной на рынке к ужину. С ней невозможно стало обсуждать биржевые новости, ее голова забита предстоящими визитами к массажисту, визажисту и маникюрше. Она пропустила целых три, три важных мероприятия, где ей надлежало быть вместе с Андреем. По причине? По причине того, что на это время попадало время примерки у портного, к которому городские модницы записывались за полгода вперед. Разве могла она пропустить эти примерки?!

– Курица, – прошипела на себя Лариса, снова очутившись перед громадным во всю стену зеркалом в большой прихожей. – Запущенная глупая курица!

Она растопырила пальцы и вонзила их в спутавшиеся белокурые пряди. Приподняла, потом задвинула за уши, затем снова растрепала. С прической надо что-то срочно делать. Эта одуванчиковая поросль никуда не годилась. И цвет надо оттенить. И займется она этим прямо сейчас. Прямо вот сейчас – в половине пятого утра. Опыт имелся. Не всегда была богата. Бывало время, когда сама себя обслуживала. И волосы красила, и ногти в порядке содержала. Помнит еще, как это делается.

В половине шестого утра, когда уже почти со всем справилась, и даже ухитрилась самой себе понравиться, неожиданно начали слипаться глаза. И вместо того, чтобы порываться в шкафу и подобрать подходящее платье для визита на свою фирму, Лариса рухнула на супружескую кровать лицом вниз и через минуту отключилась. И проспала до десяти.

Пошарила по кровати рядом с собой, телефона не нашла. Ох, она его в гостевой спальне оставила, кажется. Или в ванной, когда краску с волос смывала. В гостевой спальне нашелся телефон. И там десять пропущенных звонков от Андрея. И четыре его тревожных сообщения. Он очень, очень волновался, что она не отвечает.

– Лариса! Ну что с тобой такое? – закричал он на нее, стоило ей ему позвонить. – Я чуть с ума не сошел! Где ты? Что с тобой?

– Со мной все в порядке, – улыбнулась она.

Поймала свою улыбку в пузатом блестящем чайнике, улыбнулась шире.

– Со мной все в порядке. Я спала.

– Спала так, что не слышала, как я звонил тебе десять раз? – не поверил Андрей.

– Телефон остался в ванной.

– В ванной? Почему в ванной?

– Я волосы красила и...

– Что?! Что ты делала? Волосы красила? – Он ужаснулся, словно она призналась ему, что побрилась налысо. – Твой парикмахер умер?

– Нет. Просто захотелось чуть оттенить пряди. Вышло здорово.

– А краска откуда?

– Ой, завалилась. Давно. Думала, просрочена. Нет, все нормально. Вот от безделья и...

– Ерунда какая-то, – перебил он, попытался в трубку. Упрекнул: – Я с ума схожу от беспокойства. А она...

– Все хорошо.

Она беспечно шевельнула пальцами оттененные кудряшки. Подошла к окну. Солнце ныряло за облака, которые гонял по небу сильный ветер.

– Все хорошо, Андрюша? – спросила она почему-то.

Может, потому что сердце неожиданно съезжилось, и в груди сделалось больно-больно. Так было уже однажды. Много лет назад, когда она ждала мужа, а пришла полиция и сообщила, что его больше нет. Так же вот тогда сжималось и болело сердце. Витебсон назвал это предчувствием. А она обозвала его шарлатаном. Он обиделся и не звонил ей пару месяцев. Но хоронить ее мужа приходил.

– Все хорошо, Андрюша? – переспросила она, дождавшись, когда солнечный луч пробьется сквозь самое плотное облако. – Эй! Ты чего умолк? Все хорошо?

– Не совсем, Лариса. Совсем, в общем-то, нехорошо.

Он так странно вздохнул, что ее бедное сердце, кажется, вовсе перестало стучать.

Вот оно! Вот сейчас он ей скажет, что ее сон – это не лажа. Ей все верно снилось, и он от нее уходит к другой – молодой, красивой, наглой.

– Илону убили сегодня ночью, Лариса, – пробормотал Андрюша не очень уверенно, будто сам все еще сомневался в этом.

– Илону что сделали? Убили?

Она поймала себя на том, что улыбается. Что чувствует странное облегчение оттого, что он не сказал ей самых страшных слов, что они по-прежнему вместе, они семья, и...

– Илону что?! – выдохнула она спустя мгновение после того, как мысленно перекрестила все углы. – Уби-или-и?!

– Да. Убили. Раскроили череп чем-то тяжелым. Случилось это, видимо, ночью. Но эксперты ничего толком не говорят.

– А откуда ты знаешь? Про экспертов?

Наверное, это был лишний вопрос, ненужный, но выскочил он сам собой.

– Мне позвонили, потому что я был последним, кому она звонила вчера вечером.

– Она тебе звонила? Зачем?

– Консультировалась. У нее появились какие-то свободные деньги. Она хотела их выгодно вложить. И... – он едва слышно выругался, без раздражения, скорее, обреченно как-то. – Господи, Лариса, какое это сейчас имеет значение? Она убита! Ее больше нет, понимаешь?!

– С трудом, – честно ответила она.

И вспомнила холодные глаза подруги за недавним завтраком. Ее странную удовлетворенную улыбку. Будто та боль, о которой рассказывала Лариса, доставляла ей удовольствие. Странной она была все же – их подруга Илона. Странной и неизведанной, как самая глубокая океаническая впадина.

– Кто ее обнаружил? Не ты? – с истеричным хохотком спросила Лариса, продолжая торчать у окна и наблюдать за сгущающейся облачностью.

– Ее утром нашла домработница. Нашла в кухне с проломленной головой.

– У нее была домработница? – удивилась Лариса. – Странно. Она никогда не рассказывала.

– Она никому ничего о себе не рассказывала. Разве нет?

Тут она поняла, что их разговор кто-то слушает. И Андрей с таким выражением говорить может только для сторонних слушателей. И она сказала:

– Да. Никому, никогда, ничего о себе не рассказывала.

Глава 7

– Товарищ лейтенант, взгляните.

Валера Ломов со вздохом обернулся на оперативника, с которым вместе выехал на место преступления. Малый пришел в отдел недавно и казался ему полной бестолочью. Ни выводов не мог толковых сделать, ни версий выдвинуть. Поквартирный опрос ему не нравился. С людьми он не ладил. Вопросов умных задавать не мог. Вот зачем им в отделе такой человек? И это вместо Сережи Журенкова! Вместо аса, которому подобное бытовое убийство, на которое они выехали, раскрыть было бы на щелчок пальцев.

С ним – с Сережей – многие из начальства нередко советовались. Уважали. Будто бы. Руку при встрече пожимали. А потом взяли и слили Сережу. Просто взяли и слили.

Кому он помешал? За что? Почему так с ним поступили? Влез, что ли, куда-то не туда?

– Товарищ лейтенант, – нетерпеливо повторил молодой напарник.

– Ну что тут у тебя? – Валера нехотя обернулся.

Стажер Володя Ярных нетерпеливо топтался в дверном проеме огромной кухни, не решая переступить ее порог. Во-первых, над мертвым телом и с предметами мебели все еще работали эксперты. И кричали на всякого, кто мог затоптать следы. А во-вторых, мертвое тело все еще лежало в кухне, и это заставляло его нервничать. Его запросто могло стошнить. Он не переносил ничего такого. Он даже из мединститута ушел, не доучившись до первой сессии, когда узнал, что им предстоит делать в анатомичке.

– Что у тебя, Вова? – Валерий смерил напарника насмешливым взглядом.

Валерий Ломов являлся одним из старожилов отдела, на его счету было несколько раскрытых преступлений, тем не менее он все еще ходил в лейтенантах. Потому что не умел подлизываться к начальству. Потому что не умел стучать на коллег. И показания на друга Серегу отказался давать, когда потребовали.

Он был лейтенантом, да, но честным, порядочным.

Володя ему его надменность прощал. Ему рассказали, что Ломов очень сильно переживал, когда его друга – Сергея Журенкова – уволили. Причем нехорошо уволили. Пытались даже посадить. По слухам, Володя пришел на его место. И, конечно же, не мог с ним сравниться. Его никому даже и в голову не приходило сравнивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.